

зой, как некогда стоял он сам перед маршем на Россию. — Энде... (конец) — проговорил солдат и щелчком сшиб его со стола». Немец убивает себя, уйдя от ребят в горницу. Это единственный выстрел, прозвучавший в рассказе. Но в нём — вся суть войны. Рассказ на — правлен против остервенения войны, когда убивают и грабят враги, вынуждены убивать и грабить свои, а расплачивается за все простой люд, народ, дети — на коленях собирает Марья пропахшее керосином зерно в мешок; «морщась от керосиновой вони, рядом пыхтел и заг — ребал Николка...» «...пшеница все ж таки оберегла их от неминуемого мора, считай, протянули с ней... самые злые немецкие зимы». По — началу лепешки, «с виду белые, румяные» есть из — за керосинового духа было тяжело, но выручали добавки: «травяная мучка», «молотый клевер»...

Марья часто молится, молитвы ее великолепны: и слог высокий, и страх за детей в них, и поэзия женской истосковавшейся души. И вроде как самого неба они достигли, и явился оттуда посланник — «Это ж наш самолет! Разведчик! Он стал разворачиваться, а на крыльях у него — звезды красные! — радостно оповестил Николка. И ребята почти поверили сами себе, что летчик — самый и есть их родной отец... И мечтает Николка: «Пока немцы спохватились, он успел бы со всеми поздороваться и посмотреть на Любашку, какая она получилась (родилась уже, когда он ушел на фронт), а ему, Николке, подарить зажигалку».

...Снова зашевелились немцы — видно было, как «черно отходили они по искрящемуся полю».

После полудня опять пожаловал «гость», это был немец с автоматом, он приказал им уходить из дома. Это воспринимается как страшное вторжение в их последнюю мирную обитель, и уже чувствуешь, что дом перестал быть крепостью.

«Переняв Любашкину дрожь, Марья бестолково, суетно забегала по избе не зная, что делать, что собирать. Наконец распахнула сундук и бросила на пол шалицу, растянула углы. На ее середину покидала кое — какие свои и ребячьи пожитки... ридикюль с семейными бумагами, соль в тряпочке, кружку... свечу со спичками и самую малую иконку... и еще теплый чугунок с пареными бураками. Больше брать было нечего»...

Мечется Марья, мечутся ее мысли — куда, как из своего дома с ребятами?! А тут — «близко рвануло, резко звякнули горничные

стекла» — и пришло решение не уходить, спрятаться. «Коленька, сынок! Побегу, отвори погреб!..». Там было вроде безопасно, но и тревожно. Услышали они, как въехала во двор какая — то машина, как стали бегать по избе люди, гроыхать чем — то тяжелым. Потом все затихло. Трогательно успокаивает Марья детей: на Николкин вопрос — «Когда наши придут? — она отвечает: Завтра и придут. — И папка придет? — Дак и папка наш...» Но через какое — то время началась стрельба, было трудно понять, кто стреляет, что делается на — верху.

Однако, за первой радостью — снова испытание, теперь уже самое страшное — от взрыва снаряда загорелась ее хата... «Она перенесла детей через дорогу... и посадила на упавшую яблоню, что еще вчера росла в начале ее нижнего огорода, и села сама, подперев непокрытую голову руками... Она смотрела на пожар обреченно и бесстрастно, с упавшей и замершей душой, уже ни о чем не просящей, и даже не сознавая..., что огонь... поглощал ее минувшее, а, может, и будущее...». И какая страшная мысль при этом: «...хоть дети погребутся....»

И дальше не менее страшно и тяжело: она в оцепенении видит «полуторку с дымящейся кухней в кузове» и тремя красноармейцами: «Все, мать, дали прикурить! Теперь полный порядок!» Полуторка скрылась в иссохших заиндевевших бурьянах между дворами, оставив после себя крутой запах варившейся пшенки. Николка и Любашка невольно задвигали бескровными, обострившимися носами, жадно ловя этот густой и, казалось, съедобный воздух...

Порядок?... Голодные дети у сгоревшей избы, а кухня — мимо, не пришло и в голову поддержать тех, кто больше всего пострадал, скорее на передовую, но мимо тех, за кого воюют...

Этот рассказ — не воспоминание о войне, а резкий и горький протест против нее. Война не нужна, человечество должно понять это, война не может не быть циничной по самой своей сути, даже когда человек уже свободен, как Мария, а жить — негде и нечем, рядом — одна поваленная яблоня... Война до предела ожесточает души. Жестокость и бессмыслица превращают людей сначала в убийные механизмы, а потом приводят их к горестному финалу. А когда все это — на глазах у детей, через их восприятие, через их еще не окрепшие души и сердечки — это горестно в многократном размере.